

Eliáš, Anton

Плюрализм или унификация? Позиция декабристов в полемике о роли и функции литературы

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [65]-75

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130230>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Антон ЭЛИАШ
(Братислава)

Плюрализм или унификация? Позиция декабристов в полемике о роли и функции литературы

**Pluralism, or Unification?
The Decembrists' Position in the Polemic about the Function of Literature**

The article deals with the problems of gradual forming of decembrist movement and with the analysis of decembrists attitude to the poetry of V. A. Zhukovski, as well as with their understanding of the role of literature. The author shows how their tolerance to different opinions on the role of literature fell down, suppressed by the intensification of their fight against the czar's absolutism, how they sought inspiration in selectively chosen and ahistorically interpreted events from the past in their struggle for democratization of the Russian society. Their glorification of historical mission of a strong individual together with their effort to spread civic virtues among the Russian nobility led them to stick to the principles "the end justifies the means" and "those who are not with us are against us". Their activities thus gain patterns of totalitarian character; from this aspect they can be therefore understood as an omen of the Russian evolution after the year 1917.

Key words: decembrists; pluralism of meanings and aesthetic attitudes; unification; role of literature; actualization of history; asceticism; messianic mission of a strong individual; elements of totalitarianism

Десятые и двадцатые годы XIX века в русской литературе ознаменованы все более отчетливым наступлением романтизма, которому на начальном преромантическом этапе прокладывали путь как медитативно-квиегистская лирика В. А. Жуковского, так и анакреонтская поэзия К. Н. Батюшкова. Обе эти линии – какими бы противоположными они ни казались на первый взгляд – оказывали на русскую культуру и литературу того времени весьма значительное влияние как в эстетическом, так и в идеологическом плане, потому что, как пишет И. Виноградов, они тесно связаны «с становлением дворянского либерализма начала XIX века. Идеология частной жизни и личного наслаждения здесь уже имеет тенденцию эмансипироваться от официальной государственной и религиозной идеологии и даже отчасти противопоставить себя ей».¹ Значение этого момента И. Виноградов подчеркивает также в связи с вольнолюбивой лирикой А. С. Пушкина того периода, который предшествовал его южной ссылке, причем он обращает внимание и на постепенную «политизацию» эмансипации личности: «Интересно прежде всего то, что мотивы „свободы“, независимости в смысле личном соединяются у Пушкина с мотивами свободы в смысле политическом».² Оказывается, что уже в этот период передовые представители русской поэзии, стихи которых вызывали широкий читательский отклик, ненавязчивой, естественной формой культивировали в сознании русского читателя представление независимого, богатого индивидуальной эмоциональной жизнью человека, сущность которого не могла и не смела исчерпываться официальными представлениями о его полном «растворении» в карьерной системе государственной или военной службы. Можно обоснованно предполагать, что этот тип поэзии именно по этой причине воспринимался в придворных кругах как «наводнение России возмутительными стихами».³

1 Виноградов, И.: *Путь Пушкина к реализму*. Литературное наследство 16–18. Журнально-газетное объединение, Москва 1934, с. 51.

2 Там же, с. 54.

3 По свидетельствам современников, такую оценку дал творчеству Пушкина царь Александр I в разговоре с директором Царскосельского лицея Энгель-

Считаем целесообразным напомнить об этом идейном своеобразии русской лирики первой трети XIX века прежде всего с целью приблизить один из источников либерализации мышления прогрессивной молодежи, который – вместе с целым рядом других идеологических и исторических причин – в конечном итоге помог сформировать декабристскую концепцию сильной, граждански активной личности. На значение дворянского либерализма и эмансипирования индивидуума от официальной государственной и религиозной идеологии намекает и Ю. М. Лотман в связи с характеристикой поведения молодых офицеров (из которых позже рекрутировалась основная когорта декабристов) в частной и общественной жизни: «В дворянском быту начала XIX века отдых был разным. В среде военной молодежи, где повседневность была представлена муштрой и парадом, отдых, естественно, принимал формы кутежа или оргии. В этом смысле кутежи были вполне закономерны, составляя часть „нормального“ поведения военной молодежи. [...] Однако в начале XIX века на этом фоне начал выделяться некоторый особый тип разгульного поведения, который уже воспринимался не в качестве нормы армейского досуга, а как вариант вольномыслия. Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка. Другим признаком перерождения предусмотренного разгула в оппозиционный явился стремление видеть в нем не отдых, дополняющий службу, а ее антитезу. Мир разгула становился самостоятельной сферой, погружение в которую исключало службу»⁴.

Правда, эту форму стихийного протеста с постепенным ростом организованности и идейной кристаллизации декабристского мышления сменяют другие формы поведения; формы, для которых характерны прямо противоположные черты. Ю. М. Лотман в этом контексте подчеркивает прежде всего то, что «декабристов характеризо-

■ гардом незадолго до «служебного перемещения» поэта на юг империи, в Кишинев и Одессу.

4 Лотман, Ю. М.: *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1994, с. 355–357.

вало постоянное стремление высказывать без обиняков свое мнение, не признавая утвержденного ритуала и правил светского речевого поведения. [...] Прежде всего отменялось различие между устной и письменной речью: высокая упорядоченность, политическая терминологичность, синтаксическая завершенность письменной речи переносилась в устное употребление»⁵. Притом сам факт такого серьезного слова, подчеркнуто громко и решительно высказанного на самую острую тему в светском обществе, был для декабристов поступком; значение имело не столько содержание их речей, сколько сам факт произнесения «правды» в светском обществе⁶.

Установка на серьезность проявлялась у декабристов и в поляризации моральных и политических оценок: любой поступок оценивался либо как «подвиг», «геройство», либо как «подлость», «измена», «тиранство»; нейтральных поступков для декабристов не существовало. Такое поведение несет определенные признаки театральности как результата особой концепции личности: декабрист осознавал себя как историческое лицо; поведение такого лица «должно коренным образом отличаться от обыденной жизни пошлого человечества. Оно принадлежит Истории и будет изучаться философами, воспеваться поэтами. Осознание себя как исторического лица заставляло оценивать свою жизнь как цепь сюжетов для будущих историков, а вслед за ними – поэтов, художников, драматургов. С этой позиции в оценку собственной реальной жизни невольно вмешивался взгляд со стороны – с точки зрения потомства. Потомок – зритель и судья того, что великие люди разыгрывают на арене истории»⁷.

5 Там же, с. 334–335.

6 В этом контексте Ю. М. Лотман приводит для иллюстрации своих утверждений слова Фамусова из грибоедовской пьесы *«Горе от ума»*: «Фамусов имел основание сказать, что Чацкий „говорит как пишет“». В данном случае это не только поговорка: речь Чацкого резко отличается от слов других персонажей именно своей книжностью. Он «говорит как пишет», поскольку видит мир в его идеологических, а не бытовых проявлениях. (Лотман, Ю. М.: *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1994, с. 334.)

7 Там же, с. 338.

Это убеждение в конечном итоге привело к возникновению другой формы протеста, прямо противоположной по своему характеру оппозиционной «разгульности»; формы, которая отличалась подчеркнутым стремлением к аскетизму – любовь, счастье и удовольствия сознательно изгонялись из жизни ради идеалов свободы, независимости, патриотизма.

Тут уже начинает проявляться растущая радикализация отношения декабристов к окружающей среде, которая в конечном итоге делает из них сторонников двух – как неоднократно показывала история – не очень демократических принципов: твердо отстаивая свою правду, они все чаще начинают руководствоваться лозунгами «цель оправдывает средства» и «кто не с нами, тот против нас», о чем свидетельствует и целый ряд фактов из их литературно-критической и редакционно-издательской практики. В качестве примера синекдохически вспомним один из самых типичных – их отношение к поэзии В. А. Жуковского.

Стремясь к объективной оценке значения его лирики в процессе развития русской поэзии, нельзя не согласиться с констатацией И. Семенко, что «в творчестве Жуковского воплотилось гуманистическое представление о человеческой личности как носителнице высоких духовных ценностей. Поэтому творчество Жуковского имело прогрессивный смысл и в эпоху деспотизма по-своему противостояло казенно-бездушному отношению к человеку».⁸ Большинство его современников хорошо осознавало этот факт, о чем свидетельствует и целый ряд пушкинских замечаний.

Декабристы, однако, в связи с творчеством Жуковского подчеркивали другие аспекты: В. К. Кюхельбекер в своей критической статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», опубликованной в альманахе «Мнемозина», утверждает, что элегия (характерный жанр лирики Жуковского) «только тогда занимательна, когда, подобно нищему, ей удастся (сколь жалкое предназначение!) вымолить, выплакать участие или когда свежестью, игривою

⁸ Семенко, И.: *В. А. Жуковский. Собрание сочинений в 4 т.* Москва–Ленинград: ГИХЛ, 1959. Т. 1., с. V.

пестротой цветов, которыми осыпает предмет свой, на миг приводит в забвение ничтожность его»⁹, что «У нас все мечта и призрак, все мнится, и кажется, и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то. [...] Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях»¹⁰, что в поэзии этого типа «Картины везде одни и те же: луна, которая – разумеется – уныла и бледна, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, [...] в особенности же – туман: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя»¹¹.

К. Ф. Рылеев заходит еще дальше; в письме А. С. Пушкину от 12 февраля 1825 года он настаивает на том, что «Мистицизм, которым проникнута большая часть его (т. е. Жуковского – примеч. А. Э.) стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растрлили многих и много зла наделали».¹²

Против такого «разлагающего» влияния поэзии Жуковского эстетика декабристов выдвигает эксплицитно сформулированный принцип воспитательного воздействия искусства и литературы и ее агита-

9 Кюхельбекер, В. К.: *О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие*. Мнемозина, 1824, ч. 2, стр. 37, 38.

10 Там же, с. 38.

11 Там же, с. 38. Притом, как отмечает Б. В. Нейман, он не сумел разглядеть, что аналогичная шаблонность, только с другим набором реквизитов, присуща и его лиро-эпической поэзии, в которой «воют осенние вихры, колыхаются древние сосны, стелется серая мгла, раздаётся зловещее полночное уханье совы, рев бури и шум дождя» (Нейман, Б. В.: *К. Ф. Рылеев. Жизнь и творчество*. Москва: ГИХЛ, 1946, с. 57).

12 Письмо Рылеева Пушкину от 12 февраля 1825 года. In: Рылеев, К. Ф.: *Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма*. ГИХЛ, Москва 1956, с. 303.

ционно-пропагандистской миссии. А. А. Бестужев-Марлинский в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», опубликованной в альманахе «Полярная звезда», как основную заслугу К. Г. Рылеева и самое значительное качество его поэзии выдвигает факт, что «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков».¹³

Какие последствия вытекают из вышеприведенных идеологических и эстетических взглядов декабристов? Хотя в условиях борьбы с царским абсолютизмом во имя демократизации русской общественной жизни они явились не только понятными, но во многих аспектах и вполне обоснованными, нельзя вместе с тем не видеть и их явную прагматичность и временную обусловленность.

Лирический субъект К. Ф. Рылеева, пожалуй, наиболее полно воплощает в себе все основные черты декабристского отношения к миру. Читая стихи Рылеева, нельзя не обратить внимания на типичную черту его восприятия действительности, заключающуюся в стремлении индивидуализировать и персонифицировать историю, понимать историческое движение как эволюционные «прыжки», инспирированные героизмом сильных личностей. Но такая «эkleктическая» каузальность вносит в интерпретацию исторического процесса и отчетливый актуализирующий элемент. В духе по-своему воспринятого и интерпретированного «*historia est magistra vitae*» прошлое превращается в источник селективных вдохновляющих образцов и аналогий, в дидактическое агитационно-пропагандистское средство, используемое исключительно для осуществления идеологически строго определенных потребностей настоящего. Рылеевский лирический субъект остро ощущает разлад между идеалом и действительностью; стремясь воплотить идеал в действительности, он отрекается от частной жизни и все свои силы – вплоть до самопожертвования – посвящает достижению возвышенной общественно полезной цели. Гипертрофия субъекта

171

13 Бестужев-Марлинский, А. А.: *Взгляд на старую и новую словесность в России*. Изд.: А. А. Бестужев-Марлинский: Сочинения, т. 2. Москва: Художественная литература, 1981, с. 386.

екта здесь имеет отчетливый, но не чисто романтический характер: субъект не является высокой, незаменимой и неповторимой ценностью «per se», а становится ей, приобретает это качество только в связи с «высокой» целью. Как аксиологически положительные этот тип лирического субъекта воспринимает оба крайних полюса темпорального континуума, т. е. прошлое и будущее, а связь между ними обеспечивает собственной активностью. Отвергая настоящее, он с помощью исторических образцов и аналогий ориентируется на преобразование будущего. Такой понимание эволюции человеческого общества свидетельствует о том, что декабристам была свойственна концепция личностного мессианизма как движущей силы русской истории.

Конечно, концепцию сильной личности можно принимать как одну из альтернатив понимания движущей силы истории, можно ее считать даже до определенной степени исторически обоснованной (элиты ведь всегда играли значительную роль в развитии общества), но только до того момента, пока она не начнет претендовать на исключительное положение и универсальное действие в общественной жизни. К сожалению, как раз этот аспект стал в двадцатые годы XIX века основным в отношении декабристов к Жуковскому и другим авторам, творчество которых развивалось вне рула гражданской поэзии: в их критических статьях начинает преобладать не историко-литературная и поэтологическая, а политическая точка зрения. В свете стремлений активизировать общественность, привлечь ее к борьбе за идеи свободы и равенства, декабристская дискредитация предшественников и значения их идейно-эстетического наследия кажется понятной, но с точки зрения соблюдения демократического принципа плюрализма мнений и объективной рефлексии развития русской литературы и общественной мысли она становится неприемлемой. На слабые места подобного подхода декабристов к оценке художественного творчества неоднократно намекал А. С. Пушкин,¹⁴ но свидетель-

172

14 Письмо А. С. Пушкина к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г. In: Пушкин, А. С.: *Полное собрание сочинений в 10-ти томах*, т. IX, Письма 1815–1830. Москва: ГИХЛ, 1962, с. 129–130 («Согласен с Бестужевым во мнении о критичес-

ствуует о них и «судьба» поэзии В. А. Жуковского в декабристских альманахах, которая является наглядным примером «умалчивания» инакомыслящих: если в первом номере «Полярной звезды» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева читатели еще могли встретиться со стихотворениями В. А. Жуковского, во втором номере, выпущенном в 1824 году, были уже опубликованы только отрывки из его переводов «Энеиды» Вергилия и «Орлеанской девы» Шиллера, а в третьем номере, вышедшем в 1825 году, текстов В. А. Жуковского не было.

Возникает впечатление, будто бы нарастание декабристского гражданского энтузиазма и интенсивности их борьбы с тоталитаризмом царского абсолютизма парадоксально заразило их тем самым недугом; в качестве доказательства кроме выше приведенных фактов можно вспомнить и их стремление трансформировать «Арзамас» и «Вольное общество любителей российской словесности» в «свои» организации.

Борьба за демократизацию общественной жизни в истории человечества уже неоднократно превращалась в свою противоположность (включая дискредитацию тех, кто стоял при ее зарождении). Кое-какие элементы подобного характера наблюдаются и в развитии декабризма; более того, уже в этом идейном движении в эмбриональной форме зарождаются элементы явлений, которые в более «совершенном» варианте отрицательно повлияли на развитие русской общественной жизни в следующие десятилетия XIX и XX веков, нанося в процессе реализации ущерб и самым благородным намерениям. Достаточно в этом контексте вспомнить добролюбовскую революционно-демократическую дискредитацию «лишних людей», отношение большевиков к «попутчикам», или – обращаясь к историческим событиям сравнительно недавнего прошлого в нашей стране – например, отношение чешской и словацкой политической и общественной

[73]

кой статье Плетнева, но не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнят, за что венчают?»))

элиты к «Пражской весне» и выдающимся личностям 1968 года. Осознание подобного риска, сопровождающего большинство революционных общественных движений, может, по нашему мнению, способствовать не только его устранению или, как минимум, ограничению его негативных последствий, но и избеганию такой формы «элитарства», которая присваивает себе право на правду и непогрешимость и воспринимает «других», тех, кто «не с нами» в худшем случае как врагов, а в лучшем – если, конечно, в этом контексте вообще можно говорить о «лучшем» случае – вытесняет их на периферию, превращает их в своего рода немую, пассивную массу, от которой ожидается только поддакивание и благонамеренность.

Как показывает история (и позиция декабристов в полемике о роли и значении литературы), эта опасность становится серьезнее прежде всего тогда, когда движение к демократизации вызвано не усилием добиться усовершенствования общества путем усовершенствования человека (т. е. путем восхождения от единичного к целому), а наоборот, стремлением реформировать общество сверху, путем изменения политического режима, которое, в свою очередь, должно вести к изменению человека (в данном случае доминирует стратегия от целого к единичному). И с этой точки зрения, как нам кажется, в декабризме как бы прятались симптомы и зародыши того, что на сто лет позже, в условиях диктатуры пролетариата, приобрело одиозные формы, известные из русской общественной жизни после 1917 года.

Библиография:

- БЕСТУЖЕВ–МАРЛИНСКИЙ, А. А.: *Сочинения*, т. 2. Москва: Художественная литература, 1981.
- ВИНОГРАДОВ, И.: *Путь Пушкина к реализму. Литературное наследство 16-18*. Москва: Журнально-газетное объединение, 1934.
- КЮХЕЛЬБЕКЕР, В. К.: *О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие*. Мнемозина, 1824.
- ЛОТМАН, Ю. М.: *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Искусство, 1994.
- НЕЙМАН, Б. В.: *К. Ф. Рылеев. Жизнь и творчество*. Москва: ГИХЛ, 1946.

ПУШКИН, А. С.: *Полное собрание сочинений в 10-ти томах*, т. IX, Письма 1815–1830. Москва: ГИХЛ, 1962.

РЫЛЕЕВ, К. Ф.: *Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма*. Москва: ГИХЛ, 1956.

СЕМЕНКО, И.: *В. А. Жуковский. Собрание сочинений в 4 т.* Москва–Ленинград: ГИХЛ, 1959.

